Сергей СТРАТАНОВСКИЙ

«ПОЭТ ДОЛЖЕН БЕСПОКОИТЬСЯ НЕ ТОЛЬКО О ТОМ, ЧТОБЫ ЕГО ЧИТАЛИ…»

Беседа с Олегом Роговым к выходу книги: Сергей Стратановский. Изборник. – Спб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 384 с.

– Сергей Георгиевич, в минувшем году вышел солидный том Ваших стихов – «Изборник», с чем поздравляем Вас и читателей. Скажите несколько слов о том, как составлялась эта книга, и теперь, по прошествии некоторого времени, довольны ли Вы результатом?

– Я давно чувствовал необходимость составить некую итоговую книгу, но откладывал эту работу, т.к. у меня каждый год появлялись новые стихи и нужно было объединять их в сборники. Чтобы составить избранное, необходимо было решить, какой принцип положить в основу: хронологический или тематический. Я решил отбирать из каждой своей книги в хронологии их издания, но при этом мне пришлось разрушить структуру некоторых сборников, составленных по тематическому принципу.

Доволен ли я этой книгой? Да, доволен. На нее были отклики, и благодаря ей я получил в прошлом году премию «Парабола» от фонда имени Андрея Вознесенского.

Несколько слов о названии: «Изборник». Это древнерусское слово, надолго забытое и только в XX веке воскрешенное Хлебниковым (См. его: Изборник стихов 1907–1914 гг. С послесловием речаря. СПб.: Изд. ЕУЫ. 1914).

– В социальных сетях (например, на фейсбуке), несмотря на Ваше в них отсутствие, было много поздравлений, откликов, информации о презентации. Ваше неучастие в вышеупомянутых сетях – это принципиальная позиция или просто дань традиции? И планируется ли когда-либо дать возможность читателям увидеть книгу в электронном виде?

– Я, действительно, не участвую в соцсетях. Возможно, в этом сказывается возрастной консерватизм. Также у меня есть ощущение (может быть, ложное), что участие в них отвлекает от более важного, от творческой работы. А электронная книга («Изборник») у меня будет на Букмейте – уже подписал договор.

– 18 номеров «Обводного канала», толстые тома в надежных переплетах. Смотря сегодня на свое детище, как бы Вы определили его ценность сегодня – не в плане культуртрегерства, фундаментализации «второй культуры», как бы не относиться к этому термину, а лично для себя? Насколько это был вообще личный проект, ведь в 1981-м еще существовали журналы «37» и «Северная почта» (в этот год вышли последние номера), равномерно «шли» «Часы»...

– Вышло не 18, а 19 номеров «Обводного канала». Я раньше думал, что 19 номер не сохранился, но год назад нашелся у одного человека непереплетенный экземпляр. Существует библиографическая роспись всех 19-ти номеров журнала: 14 из них расписал мой бывший сослуживец по Публичной (ныне Российской национальной) библиотеке Евгений Голлербах, остальные пять – я. Роспись эта опубликована в книге «Памяти Кирилла Бутырина», вышедшей в конце прошлого года. Кирилл Михайлович Бутырин –

мой покойный друг и главный редактор «Обводного канала», основная заслуга составлении и редактировании журнала принадлежит именно ему, я был его соредактором лишь до одиннадцатого номера.

Для тех, кто заинтересуется нашим журналом, сообщаю, что 10 номеров его есть в Интернете на сайте https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/

А почти полный комплект самого журнала (18 номеров) есть в архиве Института восточных исследований при Бременском университете (г. Бремен, ФРГ).

Раз в вопросе были упомянуты «надежные переплеты», то скажу несколько слов о нашем переплетчике. Его звали Юра (фамилии не помню), жил он в центре, у него не было телефона, так что «вычислить» его компетентным органам было сложно. Я с благодарностью вспоминаю о нем, так же как с благодарностью вспоминаю наших машинисток.

Что же касается ценности «Обводного канала» лично для меня, то это часть моей жизни. Помимо того, что благодаря самиздатской периодике создавался архив литературы того времени, самиздат еще и создавал среду, в которой можно было дышать и жить.

Самиздат для меня и Кирилла Бутырина начался, однако, не с «Обводного канала», а с журнала «Диалог», журнала критики и полемики, который мы выпускали в 1979–81 гг. Возник он из частной переписки меня и Кирилла. Кстати, материал из этого журнала – два письма о либерализме, были републикованы в «Волге» (2016. №1-2)[1]. Вышло три номера «Диалога», и после третьего номера я и Кирилл поняли, что можем выпускать «толстый» самиздатский журнал. Журнал такого рода уже существовал тогда в Ленинграде – «Часы», под редакцией Бориса Ивановича Иванова. Нас, однако, не удовлетворял принцип отбора текстов в «Часах», и «Обводный канал» мы задумали отчасти в пику этому журналу, хотя круг авторов и читателей был один и тот же.

– Расскажите о контактах с властями – не по Вашей, разумеется, инициативе. Была ли явная или на уровне ощущений реакция КГБ, изменилось ли отношение к Вам на работе.

– Мне иногда задают вопрос: опасно ли было заниматься самиздатским журналом? Да, опасно, поэтому Кирилл и я принимали меры предосторожности: машинисткам не звонили из дому и с работы – только с уличных телефонов-автоматов. В КГБ, однако, о журнале знали и пытались внедрить к нам провокатора. Что касается т.н. «бесед» с гебистами, то их было всего две и они не были связаны с самиздатом. На работе (я с 1981 года работал в Публичной библиотеке) о моей самиздатской деятельности ничего не знали, но знали, что я пишу стихи и поэтому, как сказал в одном стихотворении Борис Слуцкий, «широко известен в узких кругах».

– Как бы Вы определили вектор новейшей русской поэзии последних 30-ти лет? Можно ли говорить о какой-то явной тенденции?

– Вектор развития современной русской поэзии я могу определить чисто формально: все шире распространяется верлибр. В этом, вероятно, проявление «духа времени», хотя есть, конечно, и влияние западноевропейской и американской поэзии.

– Поэтов и стихов стало больше, явно вырос уровень мастерства. Но за это пришлось платить – то, что казалось бы интересным те же 30 лет назад, сегодня тонет в огромном массиве неплохих, в общем-то стихов, но уже не вызывает прежнего интереса. Как поэзия и читатель, на Ваш взгляд, отвечает сегодня на этот вызов?

[1] https://magazines.gorky.media/volga/2016/1/epoha-samizdata-chto-eto-bylo.html

– В вашем вопросе есть некая подсказка ответа: мол, вырос уровень мастерства, но нет чего-то, что было в наше время и т.п. Но молодые поэты старше нас исторически и выражают свое время. Если я чего-то не понимаю и не принимаю в современной поэзии, то это не значит, что молодые поэты пишут плохо.

Теперь о читателях. В годы моей молодости поэзия была в центре общественной жизни, если можно говорить о какой-то общественной жизни в советское время. Сейчас это не так, сейчас пишущих стихи явно больше, чем их читающих. Разумеется, это неприятно, но ведь поэт должен беспокоиться не только о том, чтобы его читали, но и том, что происходит в его стране. В свое время Белинский возмутился стихотворением Боратынского «Последний поэт», в котором Евгений Абрамович сетовал, что «век шествует путем своим железным» и не обращает внимания на поэзию. Белинский, по-моему, был прав: он думал о России, а для России тогда «железные пути» (читай: железные дороги) были важнее «ребяческих снов» поэзии. А «корысть и общая мечта», отрицаемые Боратынским, – это ведь двигатели прогресса. У нас сейчас есть корысть, но нет «общей мечты», а это важнее отсутствия интереса к поэзии.

– Отношение к поэзии с годами меняется – не только у читателей, но и у самих поэтов. Что для Вас «потускнело» из любимого ранее, а что, наоборот, засверкало в новом блеске?

– Я сейчас не пишу стихов, а пишу прозу и статьи. Это не значит, что поэзия стала мне неинтересна – просто она стала для меня не только предметом любви, но и предметом осмысления. А пристрастия мои не изменились – то, что я любил раньше, то люблю и сейчас.

– Ваш стиль, не говоря уже о манере чтения, очень узнаваем, как у любого большого поэта. С одной стороны «анонимность» традиционной лирики, когда автора нельзя определить при чтении текста, с другой – торжество персонализма, своего рода «товарный знак» личной интонации. Не становится ли поэт со временем ее заложником? С этим многие сталкивались – кто-то замолкал, кто-то менял стиль, удачно или не очень, кто-то отвечал на этот вызов иначе. Стоит ли для Вас эта проблема и если да, то как Вы ее решаете?

– Когда говорят, что у какого-либо поэта «свой голос», то это, как говорил по другому поводу Пушкин, «похвала небольшая». Важнее, как этот «голос» (или по-иному: стиль) меняется с течением времени. Мне кажется, что мой стиль менялся: в 90-е я писал по-иному, чем в 70-е и 80-е, в 10-е годы нашего века иначе, чем в нулевые.

Что касается манеры чтения, то когда я 20 лет тому назад был в Италии, то кто-то из итальянцев сказал, что моя интонация напомнила ему чтение на литургии в православной церкви. М.б., в этом что-то генетическое: мой прадед по отцовской линии был деревенским пономарем.

– Неизбежный вопрос: в 1970 году вы написали цикл «Холера». Сейчас мы столкнулись с невероятной ситуацией, изменившей жизнь миллиардов людей. Что для Вас главное в происходящем сегодня?

– «Холера» – это не цикл, а диптих. Написан он был летом 1970 года, когда была вспышка холеры в Крыму. Вряд ли, однако, эти стихи актуальны в современной ситуации. Гораздо актуальней сейчас звучат два моих стихотворения 1999 года: «Болдинские размышления» и «Апокриф». Оба они есть в «Изборнике», но я, все же, процитирую второе, ибо оно, неожиданно для меня, оказалось неким предчувствием происходящего ныне:

Вирус, откуда-то появившийся
И в Адама вселившийся
на террасе Эдемского сада.
Вирус, боль вызывающий,
Сокрушающий чресла,
кровь рушащий –
Вирус невидимый.

И Адам, пораженный,
уходит из райского сада.
Сам уходит
на горькую землю труда…

Что же касается пандемии, то она, мне кажется, нанесла удар по меньшей мере трем мировым религиям: христианству, иудаизму и мусульманству. И дело не только в том, что закрываются храмы, мечети, синагоги. Дело в том, что у думающего верующего человека возникает вопрос: почему Бог попустил все это? Что это: гнев Божий или Его невмешательство в дела земные? Т.е. возникает проблема теодицеи, оправдания Бога.

Сейчас часто говорят о том, что мир после этой напасти станет другим. Я надеюсь, что появится, наконец, осознание единства человечества, понимание, что американцы, китайцы, африканцы – это тоже мы. А у политиков, может быть, появится понимание, что главное не ракеты и какое-то новое оружие, главное, как говорил Солженицын, это – сбережение народа.

– Какой вопрос Вам хотелось бы услышать – из тех, что не был задан?

– Мне не задали вопрос о моей прозе. Я пишу историческую прозу: у меня есть рассказ «Гора Сары-тау», опубликованный, кстати, в «Волге» (2007, №7-8)[2], повесть «Записки декабриста» (Звезда. 2014. №7)[3] и текст (затрудняюсь в определении его жанра) «Александрийский папирус», опубликованный в этом году (Звезда. 2020. №2)[4]. Есть мнение, что в поэзии можно выразить всё, но это неверно. Я чувствую, что многое из того, что меня волнует, я не могу выразить в стихах и поэтому обращаюсь к иной форме выражения.

[2] https://magazines.gorky.media/volga21/2007/7/iz-knigi-ozhivlenie-bubna.html
[3] https://magazines.gorky.media/zvezda/2014/7/zapiski-dekabrista.html
[4] https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/2/aleksandrijskij-papirus.html